

ВТОРОЕ ЗНАКОМСТВО

С КУП на слова в лучших своих стихах Игорь Кудрявцев, автор нового поэтического сборника «Слышу поступь дня», вышедшего в московском издательстве «Современник». С первого же стихотворения чувствуешь, как привередливо отбирает он из «тысячи тонн словесной руды» необходимо точные слова для передачи своей мысли, как лаконично и обдуманно строит поэтические фразы:

Уходит ночь.
Пора зари настала.
Снежит дали...

Эти коротко-информационные предложения, написанные чуть ли не телеграфным стилем, не были бы так пружинисты, окажись в них какое-либо случайное слово. И эта пружинистая подтянутость фраз отменно выражает, я бы сказал, солдатское напряжение души автора. И оно здесь, это напряжение (именно — солдатское!), очень уместно. Ведь о чем пишет поэт? «Санта-Яго. Дым и пепел. Замолчали сердца расстрелянных. В крошечной стене...». От такой картины (и надо признать, — мастерски написанной) у любого нормального человека невольно кулаки сожмутся! И самое печальное, что этих «Санта-Яго» в настоящее время, увы, немало на планете с таким замечательным, с таким мирным названием — Земля. Мирным — хотя бы потому, что Человек не только всю планету — так сказать, космический предмет — Землей называет, но таким же именем наделяет и поля, обрабатывать которые — самое мирное занятие.

И все вот это, последнее, что я только что сказал, — не «лирическое отступление». Оно имеет прямое отношение к вышедшей книге. Вчитайтесь-на в нее повнимательнее. Беспокойство за судьбу мира лейтмотивом проходит через весь сборник. Как красивые, остергающие лампочки, вспыхивают в стихах периодически мысли-тревоги, мысли-предостережения: «Раструбы ветвей молчат до срока,

Будто горны в саду уснувших трубачей». Через несколько стихотворений: «Все может кончиться однажды смертельной пулей...». Еще далее — «Лети, земля, орбитой вековой от зноя или от инея седея, и упаси — от пепла быть седей», «Представив родину в огне, я (Матросов) ненавидел повторения своей судьбы в иной войне...» и т. д. Не современное, или, вернее, не современное ли это беспокойство?

Как видим, поэта волнуют актуальные темы. И выражение эти темы находят не только в беспокойстве за мирный исход наших распрей земных, но и в попытках (порой — удачных, а порой, на наш взгляд, и — не совсем) показать созидательный труд на планете (как, например, в поэме «Во имя яблока в руке»), чистоту (и борьбу за эту чистоту) в отношениях людских.

НО ВЕРНЕМСЯ к началу нашего разговора. Посмотрим, как написана книга, поскольку художественность — основа литературы, а в данном случае — поэзии, и от того, как пишет автор, посредством каких приемов, какого «материала» выражает свои мысли, мы можем определить: поэт ли он, художник ли слова? Тем более в отношении Игоря Кудрявцева нам, читателям, нужно сделать это определение именно сейчас, потому что «Слышу поступь дня» — уже вторая книга нашего земляка. И если при знакомстве с первой его книгой «Ранняя тропа» (Ростиздат, 1978 год) мы могли в чем-то ошибиться при оценке, что-то непонять, то сейчас, при втором знакомстве, мы, читатели, будем уже более объективны в своих суждениях.

Я уже говорил, с какой скрупулезностью отбирает Игорь Кудрявцев «словесный материал» для своих стихов. Это чувствуется сразу. Потому-то мне и не понятно, почему известный со-

ветский поэт Борис Примвров в своем предисловии к изданному сборнику говорит, что стихи, мол, Кудрявцева состоят из «...простых... обывденных слов», которые, если их вырвать из стихотворения, «вряд ли бы претендовали на то, чтобы звались поэзией». Ведь задача поэта, на мой взгляд, состоит не в том, чтобы тратить себя только на поиски не «обывденных», не «простых» слов, а заключается она в том, чтобы все используемые в стихах слова звучали бы неожиданно по-новому, светились бы изначально-живым светом, ярко выражая главное — мысль автора, его чувства. Конечно, найти незаштампованное слово и, влетая в канву стиха, оживить его — мечта каждого пишущего. Однако не только подобные находки — двигатель поэзии...

Чем силен Кудрявцев как поэт? В первую очередь, на мой взгляд, способностью до предела быть ясным, то есть — умением выражать свою мысль с «железной» логикой, оставаясь при этом и лирично-образным, и нежным до чувственности:

Ты далеко.
Спокойно на тропе.
Спокоен сад,
И тишина урюма.
Светлы снега,
Как думы о тебе,
И снегопад высок.
Как эти думы...

По некоторым стихам можно судить о Кудрявцеве, как и о мастере психологического портрета. Вот стихотворение «Дядька». «Неожиданный, будто выстрел, ветром пахнувший, толстопуз, на затылок сдвинув картуз, дядька ввалился и, с присвистом забивая в передней гол, туфлю левую ухнул в стенку, туфлю правую ахнул в пол...». Тут и характер, и темперамент героя — все на месте! Так и проглядывает между строк курносо-добродушное, крупное русское лицо, с веселозорными, слегка навывкате глазами.

А посмотрите, с какой человечностью, с каким неподдельным состраданием выписаны стихи «Наталя», «Федька». Такие стихотворения в полную силу борются за чистоту в человеческих отношениях, за высокую нравственность. И написаны они Кудрявцевым не в духе каких-то скучных нотаций, а живо, с чувством.

Борьбой за высокую нравственность пронизано и стихотворение «Шеф», где лирический герой, добившись эстрадного успеха как певец, понимает, что он — «носитель бесталанья» и в конце концов «покончил со сценой»...

Но давайте вспомним о том, что стихи не пересказываются. Они хороши только при непосредственном, личном знакомстве. А вот о том, как они написаны, продолжим разговор.

Мне лично импонирует то, что стихи Кудрявцева начинаются всегда как-то сразу, всегда с действия, без всякой «лирической раскочки»: «Раздался выстрел на опушке...», «Здесь даже птицы в роще грустной на языке инем кричат...», «Я верю в ложь твою, как в правду...» и так далее.

Иногда в начале стихотворения автор выносит нечто вроде короткой информации о том, о чем будет вестись разговор в произведении: «К нему бы прийти ненароком с лопатами, тесом, гвоздями... Глядит затухающим оком колодец, забытый людьми...». «На чердаке найду подкову... В стволах деревьев сок бродил, когда я первое любовью Наталью гордую любил».

К сожалению, встречаются в книге и явные неудачи. Ну о чем, например, говорит вот такое четверостишие:

Печальные, как отъезды,
Гулкие, как шары,
Уходят во тьму

подъезды —
Маленькие миры.
Здесь «железная логика» явно изменила автору. Ну какие шары бывают гулки-

ми? Биллиардные? Тогда какую схожесть они имеют с подъездами? И не для рифмы ли подъезды печальны, как отъезды?

Очень непродуманно и небрежно (что не похоже на Кудрявцева) написано стихотворение о наладчике станков. Вот — «Он входит в цех. Чуть брезжит утро...», а далее автор сообщает — «Видит сны земля». Где же логика? Ведь сны-то земля только ночью могла видеть, а нас уже известили о том, что — «брезжит утро». А? Да и вообще в этом стихотворении очень много неточностей: «Идет он мимо стенгазеты, где женщин чувствует весна...» (?), «Колдует он, диагноз ставит, весь погружен в лечение стали...» (?) и т. д.

А в стихотворении «Зимы серебряные дрожжи» слово «дрожжи» явно не из той оперы. На дорожках русский мужичок из веку в веку до НТР летом ездил, а зимой... как там у Пушкина: «Зима. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь»...

О СОБОЕ место в книге занимает поэма «Во имя яблока в руке». Это произведение об Атомаше, о его строителях. То есть — о трудовых буднях сегодняшней Донщины. И если учесть, что областной критикой уже неоднократно поднимался разговор о том, что наши донские авторы зачастую упускают в своем творчестве «производственную» тематику, то поэма Кудрявцева как нельзя лучше показывает, что это не совсем так. И, думаю, многие согласятся с тем, что поэма в целом удалась, несмотря на то, что автор еще сравнительно молод и это его первая попытка испытать себя в подобном жанре.

В связи с этим хотелось бы поговорить вот о чем. С фрагментами поэмы И. Кудрявцева любители поэзии были знакомы раньше по публикации в журнале «Дон». В критике той поры

кто-то с мальчишеским максимализмом пытался даже утверждать, что поэма эта лучше во многих отношениях произведения Александра Рогачева «Полюнь и атом» — тоже на атомашевскую тему. Однако сказано это было довольно голословно. Да и оскорбительно для старого и опытного мастера стиха, каким является поэт Александр Рогачев. Думаю, что после той статьи и Игорь Кудрявцев не совсем удобно чувствовал себя перед своим давнишним учителем. А поучиться молодому поэту у своего, умудренного годами и опытом коллеги еще можно ой как многому!

Но вернемся к «Яблоку в руке». Я уже сказал, что поэма в целом, на мой взгляд, получилась. И композиционно она выглядит довольно стройно, и сюжет в ней проглядывается сравнительно четко, несмотря на то, что автор «ход событий решил пустить на самотек». Да и язык поэмы, за исключением нескольких издержек, по-молодому ярок, с нередкими афористическими блестящими.

Однако упомянутая нами выше «железная логика» автора кой-где прихрамывает. Ну в каком отделе кадров могут сразу доверить бригаду человеку, у которого только что осталась «морская служба позади»? Однако отдельные промахи не хочется замечать, когда читаешь добротно сколоченные монологи земли:

...На мне рождались,
хлеб косяли
И умирали, смерть клая.
Да, я для вас земля
России,
Но вы — Россия для
меня.

Или размышления молодых героев поэмы о любви («Незакатно и лебедино...» и «Пропела иволга над тихой заводью»). Они, эти размышления, так и просятся на музыку! И я уверен, что со временем эти стихи поэмы станут песнями...

В заключение скажу одно. Я рад был второму знакомству с поэзией Игоря Кудрявцева. Верю, что и другие читатели разделят со мной эту радость.

А. АЗОВСКИЙ.